

ПРИНЦИП ДОЛГА В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ТОМАСА РИДА

ОЛЬГА АРТЕМЬЕВА

Институт философии Российской Академии наук

o_artemyeva@mail.ru

THE PRINCIPLE OF DUTY IN THOMAS REID'S MORAL PHILOSOPHY

OLGA ARTEMYEVA

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract

Thomas Reid's concept of morality is built around the concept of duty. Duty, along with interest, he considers as a rational principle of action, or an inducement to action. Reid clarifies the specifics of the principle of duty by comparing it with the principle of interest. While these principles may encourage the same behavior, they are different in nature. The principle of interest, which orients a person to his own good as a whole, is the principle of prudence, while the principle of duty is a specifically moral principle. Its moral character is manifested in the fact that it encourages a person to commit a certain action because it is right and prohibits another because it is wrong. Duty as a relation between an agent and an act is immediate in the sense that this relation is not occasional or mediated by another principle (consideration of benefit, concern for reputation, etc.).

Keywords: morality, duty, virtue, principle of duty, principle of interest, Thomas Reid.

Представление о том, что долг является центральным понятием моральной философии, связывают прежде всего с именем Иммануила Канта, который через понятие долга выразил специфику морали. В современной этике нормативную позицию, которая выстраивается вокруг принципа долга, так и называют кантианством. Однако, идейно этика долга складывается в раннее Новое время до Канта, а ее истоки прослеживаются еще в ранней стоической философии, затем в учении Цицерона об обязанностях. Именно к идеям Цицерона возводятся многие „деонтологические“ концепции моральных философов раннего Нового времени.

В данной статье будет рассмотрен принцип долга в моральной философии Томаса Рида (1710–1796), которую можно интерпретировать как этику долга в том смысле, что

Ethical Studies (ISSN 2534-8434), Vol. 6 (2), 2021

для Рида так же, как впоследствии и для Канта, понятие долга является определяющим в морали, выражает ее сущность. Поэтому именно „долг человека во всех различных обстоятельствах и отношениях, в каких он может оказаться“ и составляет предмет моральной философии (Цит. по: Naakonssen, 2007: lxxvii). При этом позиция Рида рефлексивна: он осознает, что мораль можно интерпретировать по-разному, в его представлении – двумя основными способами. Античные авторы выражали ее сущность через четыре кардинальные добродетели благоразумия, умеренности, стойкости и справедливости, а христианские мыслители рассматривали мораль как систему обязанностей перед Богом, перед самим собой и перед ближними. Рид вроде бы считает оба подхода допустимыми при условии, что какой бы из них ни считался более полным или естественным, устанавливаемые в рамках того и другого истины должны быть одними и теми же и должны быть в равной степени обоснованы (Reid, 2010: 282). Он всего лишь замечает, что считает второй подход более корректным. Однако, как будет показано далее, для Рида вопрос о способе выражения сущности морали – дело не вкуса, удобства или даже не большей точности, а принципиальный теоретический вопрос, по которому он занимает деонтологическую, а не аретическую позицию, которую связывает не столько с моралью, сколько с благоразумием.

Долг Рид рассматривал как принцип (начало, причина) действия – как то, что побуждает человека действовать (Reid, 2010: 74). По-другому он называет принцип действия побудительным мотивом (*inducement*) (Reid, 2010: 168). Без такого рода побуждений деятельные способности человека – ум и воля – проявиться не могут. Среди разного рода принципов действия – механических (инстинкт, привычка), животных (влечения, желания, благожелательные аффекты, злобные аффекты, склонности) он выделяет два разумных принципа – долг и интерес, или стремление к собственному благу в целом. Если долг безусловен, то интерес направлен на собственное благо человека в целом, т.е. в масштабе всей его жизни. Оба принципа свойственны исключительно человеку как разумному существу и являются высшими по отношению ко всем другим принципам действия. Благодаря высшим принципам человек способен не уступать желаниям, влечениям, склонностям и пр., а отстраняться от них, не потакать им, а управлять ими. Благодаря только им одним он способен выстраивать собственную жизнь в перспективе главной цели. Без этих принципов, замечает Рид, жизнь человека была бы

подобна кораблю, брошенному в море на произвол ветров и приливов. Лишь разумные принципы направляют корабль жизни к определенному порту как цели всего путешествия и обеспечивают возможность воспользоваться „преимуществами ветров и приливов, когда они благоприятны и противостоять им, когда они неблагоприятны“ (Reid 2010: 169).

Особенность принципов долга и интереса как высших принципов действия состоит в том, что только они побуждают человека руководствоваться в своем поведении общим правилом, или законом, благодаря чему человек проявляет себя как моральное и как политическое существо (Reid, 2010: 168). Для Рида, как и для большинства моральных философов раннего Нового времени, следовавших традиции естественного права, способность управлять своим поведением и отношениями с другими людьми, руководствуясь универсальным законом, является способностью, присущей лишь человеку. Идея закона становится одним из конституирующих элементов нововременной концепции морали (См.: Даруэлл, 2017: 19). Понятие закона является одним из ключевых в моральной философии Канта. Способность воли определяться к действию сообразно с представлением о законе, считал Кант, присуща лишь разумному существу, ее осуществление есть проявление моральности человека. Долг же Кант определил как «необходимость действия из уважения к закону» (Кант, 1997: 81). Как замечает Стивен Даруэлл, Кант говорит о моральном законе то же, что до него моральные философы раннего Нового времени говорили о естественном законе (См.: Даруэлл, 2017: 19), специфику которого, по сравнению с гражданскими законами, они видели в том, что его нормы не писаны, универсальны, распространяются на все человечество и накладывают одни и те же обязанности на всех моральных агентов. Томас Гоббс (Гоббс, 1989: 317) и Джон Локк (Локк, 1988: 3) прямо говорят о том, что естественный закон и моральный закон – это один и тот же закон.

Рид соотносит принципы долга и интереса с одним и тем же законом – с естественным законом. Естественный закон не является для него специфически моральным, и принципы долга и интереса побуждают к одному и тому же поведению. Создается впечатление, что Рид не отделяет абсолютным образом принцип долга от принципа интереса. Теренс Кюнио считает правильным выразить позицию Рида касательно соотношения принципов долга и интереса как „тезис о совпадении“, согласно

которому „в таких мирах, как наш, твердое исполнение долга и благополучие совпадают“ (Cuneo, 2010: 250). Такое совпадение в моральной философии Рида обеспечивается божественным покровительством. И тем не менее для Рида было важно показать, что принципы долга и интереса – это разные принципы.

Осмысление Ридом принципа долга задается, с одной стороны, его представлением о том, что принцип долга и принцип интереса, ориентирующий человека на его благополучие в целом, являются высшими в природе человека, побуждают к совершению одних и тех же поступков, одного и того же поведения, а с другой – его убежденностью в том, что природа этих принципов различна и принцип долга как специфически моральный должен иметь приоритет над принципом интереса как принципом благоразумия.

В чем же проявляется близость принципов интереса и долга? Как было выше сказано, интерес Рид проясняет как стремление человека к собственному благу в целом. При этом он далек от того, чтобы толковать собственное благо человека в целом как эгоизм, удовлетворенное себялюбие, как потворство влечениям и склонностям и т.п. Под благом он понимает „все то, что делает человека счастливым и совершенным“ (Reid, 2010: 154). Совершенство – неотъемлемый атрибут блага и счастья человека. Благо человека в целом – это „то, что взятое во всех раскрываемых отношениях и со всеми последствиями, приносит больше блага, чем зла“ (Reid, 2010: 154). Забота о собственном благе в целом невозможна без масштабного взгляда на целостную человеческую жизнь, правильное суждение касательно всякого частного блага и зла с точки зрения „их внутренней ценности и достоинства, их постоянства и продолжительности, а также их достижимости“ (Reid, 2010: 163).

В самом общем виде забота о собственном благе в целом напоминает моральный принцип, поскольку надлежащим образом сдерживает влечения и страсти, упорядочивает их в подчинении разуму, тем самым порождает в человеке своего рода самоодобрение, а в случае, когда страсти и влечения берут верх над разумом, порождает сожаление и раскаяние. Тем самым забота о собственном благе в целом „дает нам представление о правильном и неправильном в человеческом поведении, по меньшей мере – о мудром и глупом“ (Reid, 2010: 158–159).

Близость принципа интереса как заботы о собственном благе в целом и морального принципа долга наиболее отчетливо проявляется в том, что по убеждению Рида, забота о благе требует заботиться о собственном моральном совершенствовании, и в просвещенном человеке „ведет к осуществлению каждой добродетели“ (Reid, 2010: 159, 163). Забота о собственном благе в целом неразрывно и непосредственно связана с проявлением тех добродетелей, которые выражают надлежащее отношение человека к самому себе, – это кардинальные добродетели благоразумия, умеренности и стойкости. Поскольку же человек по своей природе является общественным существом, то его собственное счастье тесно связано со счастьем его ближних. Поэтому принцип интереса косвенно ведет и к осуществлению социальных добродетелей, включая главные из них – справедливость и человечность (Reid, 2010: 163–164).

Все добродетели в совокупности задаются принципом заботы о собственном благе человека в целом, и их культивирование ведет к достижению этого блага. Чтобы убедиться в том, что именно в добродетельности для каждого человека состоит его собственное благо в целом Рид предлагает задуматься над тем, в чем состоит благо того, к кому мы сильнее всего привязаны, кого любим „как собственную душу“ (Reid, 2010: 163). Позиция от первого лица здесь не подходит, поскольку когда мы судим в отношении самих себя, наше суждение может быть искажено иррациональными импульсами. Позиция идеализированного беспристрастного наблюдателя – третьего лица – также неуместна, поскольку беспристрастный наблюдатель в силу его дистанцированности не может знать реальных интересов другого. Позиция же второго лица определенно укажет, что благо того, кого любим „как собственную душу“, мы видим в том, чтобы он был „человеком подлинной добродетели и достоинства“. Из рассуждения Рида следует, что забота о собственном благе в целом не осуществима без добродетелей, а также и то, что добродетельная жизнь – это жизнь счастливая и для человека наилучшая (См.: Cuneo, 2010, 251).

Добродетель также есть неперемное условие исполнения человеком своего долга, своих обязанностей. По определению Рида в специфически моральном смысле добродетель состоит в решимости „жить с доброй совестью, то есть использовать лучшие средства, которые в наших силах, чтобы знать свой долг и действовать соответственно“ (Reid, 2010, 301). Рид подчеркивает, что долг не является реальным

свойством ни действия, рассматриваемого само по себе, ни агента, рассматриваемого вне связи с действием, а определенным отношением между агентом и действием (Reid, 2010: 173). Любое действие достойное само по себе становится долгом только тогда, когда индивид признает его в качестве морально необходимого, берет на себя обязанность его совершить и прилагает усилия для его совершения наилучшим из возможных способов по той единственной причине, что считает это действие достойным, т.е. проявляет себя как добродетельный. Долг выражает такое отношение между агентом и действием, когда связь между ними непосредственна, когда она не является случайной или опосредованной каким-либо другим неморальным принципом (соображением пользы, репутации и пр.).

Хотя принципы долга и интереса во многом схожи, поступок из соображений собственного интереса и поступок по долгу с содержательной точки зрения могут совпадать, однако с точки зрения мотивов и значения они будут абсолютно разными: „Когда я говорю: это мой интерес, я имею в виду одно, когда я говорю: это мой долг, я имею в виду другое... Оба являются разумными мотивами действия, но совершенно разными по своей природе“ (Reid, 2010: 169). Принцип интереса был бы недостаточен в качестве единственного принципа, управляющего поведением человека. Руководствуясь одним лишь этими принципом, человек даже не сможет достичь цели, на которую он ориентирует, – собственного блага. Рид объясняет это следующими причинами.

Во-первых, большая часть человечества никогда не сможет достичь достаточно широкого взгляда на жизнь, включающего прошлое и отдаленное будущее, или точного суждения о добре и зле, необходимых для правильного применения этого принципа. Из-за назойливости желаний и влечений, влияния мнений человеку чрезвычайно трудно составить представление о собственном благе в целом и о том, какими средствами возможно его достичь, это представление остается непреодолимо неопределенным. Будучи таковым, оно оказывает слабое мотивирующее воздействие. В этом случае правильное сосредоточится не на собственном благе, а на долге, который является гораздо более простым и определенным. Дорога долга, пишет Рид, „настолько проста, что человек, ищущий ее с чистым сердцем, не может сильно от нее отклониться“ (Reid, 2010: 167). Кроме того, долг обладает большей „негативной“ побудительной силой в том смысле, что „чувство вины, ущербности“, порожденное нарушением долга, оказываются

гораздо более дискомфортным и болезненным, нежели переживания, связанные с ошибочным пониманием собственного интереса. Стремление избежать страданий, вызванных чувством вины, заставляет человека последовательно исполнять свой долг.

Во-вторых, сосредоточенность на достижении собственного блага, редко ведет к обретению счастья, напротив, чаще всего она сопряжена с заботами, тревогами и разочарованиями. Кроме того, сама по себе забота о собственном благе редко приносит удовольствие. Гораздо больше удовольствие, по убеждению Рида, получает человек, небезразличный к своему собственному благу, но имеющий другую конечную цель, а именно – любовь к добродетели ради нее самой или отношение к своему долгу как к цели (Reid, 2010, 167). Человек должен заботиться о долге как о своем главном деле и высшей цели, а Бог позаботится о его счастье, – считает Рид.

В-третьих, человек, сосредоточенный на собственном благе, т.е. на самом себе, никогда не достигнет значительной степени совершенства, поскольку совершенство человека проявляется не в его сосредоточенности на собственной душе, а в его устремленности к добродетели ради самой добродетели, к чему побуждает человека только долг.

Рид не преуменьшает значимость принципа интереса как заботы о собственном благе, поскольку он предполагает культивирование добродетелей. Однако Рид убежден в том, что этот принцип может быть реализован во всей полноте, т.е. способен придать человеческому характеру максимально возможное совершенство и сделать человека подлинно счастливым только в сочетании с другим рациональным принципом – принципом долга и в подчинении ему (Reid, 2010: 168, 169–170). Первый неморален, он скорее является принципом благоразумия, второй – в строгом смысле слова является моральным, или принципом достоинства, чести человека.

Опираясь на рассуждение Рида, можно выделить следующие характеристики принципа долга.

1. Принцип долга выражает сущность и специфику морали. Рид говорит о том, что принцип долга тождественен самой морали (*rectitude*) (Reid, 2010: 170).

2. Отношения между принципами долга и интереса таковы, что принцип долга с очевидностью превосходит по достоинству принцип интереса (Reid, 2010: 170).

3. Особенность принципа долга состоит в том, что он безусловен, как говорит Рид – „непосредственен“, он побуждает индивида к совершению одних поступков на том единственном основании, что они являются правильными, и к воздержанию от совершения других поступков в силу того, что они неправильны (Reid, 2010: 170).

4. Принцип долга универсален в том смысле, что представление о нем есть у всех. Это находит отражение в языке, существенную часть которого составляют связанные с долгом понятия – названия конкретных добродетелей, которые он вменяет, пороков, которые он запрещает, понятия „должен“ и „не должен“, выражающие его принудительный характер. Кроме того, хотя люди в силу различного образования, воспитания, предрассудков, обычаев могут придерживаться различных взглядов на содержание этого принципа (конкретные нормы), всем им присуще одно и то же представление о принципе долга как о том, что придает достоинство исполняющему долг человеку, и является предметом морального одобрения (Reid, 2010: 170).

5. Мнение морального субъекта о действии, к совершению которого его побуждает принцип долга, придает действию моральную значимость. Собственно надлежащее намерение – это и есть то, что преобразует конкретный моральный поступок в исполнение долга. Если индивид совершил действие не по той причине, что считает его правильным и необходимым, а по какой-то другой причине, в этом действии нет добра и его нельзя считать исполнением долга.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гоббс, Т. (1989). О гражданине (Пер. Н. А. Федорова). – В: *Сочинения*, в 2 т., т. 1, Москва, Мысль, 270–506.

Даруэлл, С. (2017). Начала морали: добродетель, закон, обязанность (Пер. Р. Г. Апресяна). – В: *Этическая мысль*, т. 17, № 1, 18–47.

Локк, Дж. (1988). Опыты о законе природы (Пер. Н.А. Федорова). – В: *Сочинения*, в 3 т., т. 3, Москва, Мысль, 3–53.

Кант, И. (1997). Основоположение к метафизике нравов. (Пер. А. К. Судакова, Л. Д. Б. Хвостова). – В: *Сочинения* на нем. и русск. языках, Москва, Московский философский фонд, 39–275.

Cuneo, T. (2010). Duty, Goodness, and God in Reid's Moral Philosophy. – In: *Reid on Ethics*, ed. by S. Roeser. Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan, 238–257.

Haakonssen, K. (2007). Introduction. – In: *Thomas Reid on Practical Ethics. Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Juriceprudence and the Law of Nations*. Edinburgh, Edinburgh university Press, ix–liiiix.

Reid, Th. (2010). *Essays on the Active Powers of Man*. Edinburgh, Edinburgh University Press.